

дохмоты, до того оно было неполосовано и разодрано. Такихъ фактовъ потомъ рассказывали много. Послѣ этого побѣдоноснаго набѣга, эскадронъ удалился съ поля битвы.

Вѣсть объ этомъ побойцѣ распространилась съ быстротою молнии. Недоволеніе охватило рѣшительно всѣхъ; всѣ говорили о сходкѣ на слѣдующій день въ университетѣ. (Вечеромъ были двѣ вечеринки, которыя мало чѣмъ отличались отъ прошлогоднихъ, и объ нихъ я не буду распространяться). На слѣдующій день, уже въ 10 часовъ, народъ во множествѣ сталъ стекаться въ университетѣ. Въ 11 часовъ открылась сходка, но такъ какъ на площадкѣ могла помѣститься только незначительная часть, то обратились къ инспекціи съ требованіемъ открыть актовъ залъ. Перенуганная инспекція исполнила это требованіе. И вотъ съ этого дня въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней стѣны этого зала были свидѣтелями безпримѣрнаго событія въ лѣтописяхъ университета. Сходка, состоящая болѣе чѣмъ изъ 2000 человекъ, съ замѣчательною выдержкой, спокойствіемъ и, единодушіемъ, послѣ продолжительныхъ преній, касавшихся впрочемъ, только формъ протеста, вотировала единогласно (или почти единогласно) поднятіемъ рукъ закрытіе университета до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будутъ даны гарантіи, что впредь такъ беззащитно и нагло не будутъ нарушаться элементарнѣйшія права человеческой личности. Всѣ другія мѣры или формы протеста, какъ то: петиція, коллективный выходъ изъ университета, были отвергнуты подавляющимъ большинствомъ. Было рѣшено всѣми силами добиваться закрытія университета, посредствомъ обструкцій и соглашеній съ профессорами, изъ коихъ многіе еще въ день достопримѣтельнаго сраженія у Румянцевскаго сквера выражали свое желаніе примкнуть къ движенію активно, въ какой бы формѣ оно не отлилось. Нужно сказать, что сходка въ актовомъ залѣ проходила съ удивительнымъ тактомъ, спокойствіемъ и единодушіемъ, чему много способствовали удачный выборъ председателя сходки, умѣло руководившаго съ кафедръ преніями. Ораторы также говорили съ каедръ. До чего было серьезно и сдержанно настроено собраніе, можемъ судить по тому, какъ оно отнеслось къ рѣчи ректора, приглашеннаго посредствомъ депутации на сходку. Ни одного свистка, ни одного аплодисмента (это было заранѣе предложено председателемъ). И только, когда онъ, вмѣсто того, чтобы говорить о пагаякахъ, сталъ обѣщать себя и объяснять свое предостереженіе, за которое былъ осужденъ на актъ, и предложилъ свиставшимъ явиться къ нему по одиночкѣ въ его канцелярію и принести покаяніе и „для видимости понести дисциплинарное наказаніе“, — точно электрическій токъ пробѣжалъ по собранію, но... ни одного свистка.

Затѣмъ председатель просилъ его удалиться, и засѣданіе продолжалось. О, какъ зло высмѣяли ораторы его рѣчь, а затѣмъ, послѣ продолжительныхъ преній о средствахъ протеста, сходка